

№

АНТРАКТЪ.

32.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкой въ домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; почтовыму — 1 руб. 30 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же по театральнымъ афишамъ цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города назначается 1 руб. 30 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 30 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается еженедѣльно отъ 9 часовъ утра до 3 часовъ вечера въ повторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Им. Им. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова Давида, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Московскій театръ (Спектакль въ присутствіи американцевъ. «Укрощеніе строптивой?» «Жоржъ Данденъ»).— Qui pro quo.—Какъ иногда отыскиваютъ пѣвцовъ.—Бездѣльная паходка.—Смѣсь. (Новая піеса. Пожары театровъ въ Казани и Эдинбургѣ. Примѣръ рекламы. Интересная ошибка. Остроумная выдумка Гайдна).—Отвѣты редакціи.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Спектакль въ присутствіи американцевъ. — «Укрощеніе строптивой». «Жоржъ Данденъ».

Большой театръ открылся спектаклемъ сборнымъ для того, чтобы посѣтившіе его члены американскаго посольства могли познакомиться съ нашими московскими балетомъ и оперою и не могли пожаловаться на однообразіе спектакля. Американцы занимали почти всю лѣвую сторону бениара. При входѣ въ ложи и потомъ часто въ продолженіе спектакля, они внимательно окидывали глазами огромную зрительную залу нашего театра: наполненная на этотъ разъ публикою (непроданныхъ мѣстъ оставалось очень немного) и блестящая своимъ огнями пэолотомъ, она, видимо, произвела на нихъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Съ особеннымъ же вниманіемъ прислушались они къ звукамъ нашей оперы и, по окончаніи перваго дѣйствія *Жизни за царя*, дружно аплодировали пѣвцамъ. За тѣмъ въ отрывкѣ изъ балета *Донъ Карлосъ* они смѣялись надъ танцемъ г. Ваннера въ *pas des fellahs* и громкими аплодисментами заставили г. жу Горохову, исполнявшую роль Москвы-рѣкы, повторить ся эффектный русскій тапецъ. Наконецъ съ большимъ сочувствіемъ отзывались они на пропѣтый со сцены и потомъ повторенный народный гимнъ нашъ. Публика единодушно потребовала исполненія американскаго гимна; но напрасно въ теченіе минутъ десяти раздавались въ залѣ громкіе крики и отовсюду слышалось: «Hail Columbia! Hail Columbia!» Вышедшій на авансцену артистъ объявилъ, что въ театрѣ не пѣется нотъ американскаго гимна. Это произвело въ публикѣ ропотъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе было очень неловкое. Если бы спектакль имѣлъ характеръ обыкновеннаго, очереднаго спектакля и посѣщеніе его американцами было простою случайностію, тогда публика не стала бы, да и не имѣла бы права требовать исполненія оркестромъ американскаго гимна. Но публика знала, что дирекція рассчитывала на посѣщеніе американцевъ; объ этомъ свидѣтельствовала самая афиша. Перемѣна состава спектакля, для котораго первоначально назначалась оперетта *Орфей въ аду*, необычный дисперти-

сментъ и наконецъ прибавленная на маленькихъ афишахъ къ порядку спектакля 2-я сцена эпизода изъ *Жизни за царя*, все это ясно говорило, что спектакль рассчитанъ на посѣщеніе американцевъ и что прибавленіемъ эпизода изъ *Жизни за царя* дирекція какъ бы хотѣла дать публикѣ поводъ потребовать исполненія русскаго гимна, а за тѣмъ гимна американскаго, которымъ Москва, при всякомъ удобномъ случаѣ, привѣтствовала своихъ гостей. Публика, конечно, не могла предполагать, чтобы этотъ гимнъ, исполняемый въ эти дни въ разныхъ увеселительныхъ садахъ, разными оркестрами, не могъ исполниться оркестромъ нашего Большаго театра. Между тѣмъ, если бы ноты американскаго гимна и оказались даже въ театрѣ то едва ли бы онъ могъ быть исполненъ: для этого нужно, чтобы онъ былъ предварительно одобренъ театальной цензурою.

Три первые спектакля Малаго театра имѣли классическій характеръ. Для открытія сезона разыгранъ былъ *Ревизоръ*. Во второй спектакль шла шекспировская комедія *Укрощеніе строптивой*. Намъ показалось, что исполнители еще болѣе выигрались въ свои роли, хотя нѣкоторые изъ нихъ были не совсѣмъ тверды въ своихъ роляхъ, такъ какъ комедія эта не шла съ прошлой масляницы и, вѣроятно, теперешнему представленію ея предшествовало недостаточное число репетицій. Отношеніе публики къ этой піесѣ было, по прежнему, очень сочувственное. Не можемъ не пожалѣть только, что роль Бюнделло совершенно поблѣднѣла въ исполненіи г. Федотова; а между тѣмъ эта маленькая роль очень характерна. Кстати, отъ чего въ послѣдней картинѣ 4-го дѣйствія на дорогѣ не было тычинокъ, которыя ставились въ прежнія представленія этой комедіи? Видъ Петруччіо въ предыдущей картинѣ велитъ вывести лошадей своихъ къ концу тѣмноты.—Въ третій спектакль дана была въ первый разъ въ новомъ переводѣ кн. Меншера (фамилія Егорова явилась на афишѣ по недоразумѣнію) комедія Мольера *Жоржъ Данденъ*. Небольшая піеса эта принадлежитъ къ числу тѣхъ веселыхъ шутокъ, въ которыхъ Мольеръ осмѣиваетъ обманутыхъ мужей. Эта комедія отъ другихъ подобныхъ отличается однако тѣмъ, что въ ней Мольеръ не только хочетъ осмѣять своего ошиб

шагося из расчетахъ Дандена, но и заставить страдать ему, и этого тѣмъ болѣе достигаетъ онъ, чѣмъ безпощаднѣе въ этой комедіи становится его смѣхъ, чѣмъ злѣе кажется его шутка. Интрига этой комедіи, или, вѣрнѣе сказать, три ея параллельныя интриги, изъ которыхъ по одной приходится на каждое дѣйствіе, очень затѣливы, разнообразны, хотя и не свободны отъ кое-какихъ натяжекъ. Милый, забавный фарсъ этотъ, съ всеми его палочными ударами, паденіями, сбиваньемъ съ ногъ, смотрится съ большимъ интересомъ и привлекаетъ къ себѣ вниманіе зрителя такъ, что послѣдній видитъ передъ собою на сценѣ живыхъ людей, изъ которыхъ каждый, отъ героя піисы, Дандена, до совлываго слуги его, Колена, имѣютъ свое особенное обличіе, свой, довольно крупный чертами намѣченный, характеръ. Къ тому же въ этой піисѣ затронуто и издается подъ искусною рукою автора полные звуки струна, которая во все время и для всѣхъ поколѣній будетъ живою струною. Исполненіемъ комедіи мы довольны на половину. Г. Садовскаго не достало на всѣ многообразныя положенія роли Жоржа Дандена. Его холодный, какъ бы не сознающій себя комизмъ былъ во многихъ мѣстахъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ; но одного его оказалось все такъ недостаточно. Быть въ возбужденномъ состояніи, въ переполохѣ въ теченіе трехъ дѣйствій—дѣло, конечно, не легкое; еще труднѣе выражать безпрестанный переходъ отъ ощущенія къ ощущенію, и средствъ для выраженія этихъ разнообразныхъ ощущеній у г. Садовскаго не достало. Особенно не находивъ былъ онъ въ сценахъ, когда Данденъ принужденъ молча, выслушивать всевозможныя вышесенія и выходить изъ себя отъ негодованія и бѣшенства. Казалось, будто личные мускулы порою отказывались служить артисту и онъ долженъ былъ прибѣгать къ остолбенѣнію, — средству, обыкновенному въ тѣхъ случаяхъ, когда сильное мѣсто роли оказывается не подъ силу артисту. Это остолбенѣніе было особенно продолжительно и, стало быть, не въ пользу роли, въ послѣдней сценѣ 3-го дѣйствія. Г. Федотовъ рѣшительно испортилъ роль Клитандра; придворнымъ онъ былъ только по костюму; молодымъ человѣкомъ не былъ ни по лицу, ни по голосу, ни по приемамъ; держать себя вовсе не умѣлъ; въ перломъ дѣйствіи, при первой встрѣчѣ съ Данденомъ, онъ, стоя на одномъ мѣстѣ, ежеминутно перемѣнялся съ ногой на ногу, осматривалъ себя, не зная, что дѣлать съ руками, словомъ, кажется, самъ чувствовалъ всю неловкость и непригодность свою для этой роли; о достоинствахъ, которыми должны быть пропитаны лакомическіе отвѣты Клитандра Дандену, у г. Федотова не было и помину: въ добавокъ же ко всему этому, онъ былъ очень не твердъ въ своей роли. Мы не мало удивились, прочитавъ на афишѣ противъ имени Клитандра фамилію г. Федотова, и не понимаемъ, что заставило его взяться за роль, для которой у него рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ. Если не г. Вильде, то г. Александровъ или г. Поговинъ развѣ не могли бы съ большимъ праномъ взяться за исполненіе этой роли, которая если не требуетъ отъ актера слишкомъ многого,

то все такъ требуетъ, какъ необходимаго условія, моложаваго лица и сколько нибудь свѣсныхъ манеръ, чтобы любовь Анжелики къ Клитандру не была для зрителя притчею во языцѣхъ. Остальныя роли исполнены были болѣе или менѣе удовлетворительно. Особенно удачно сыгнали: г. Музиль — роль Любена и г-жа Колосова — небольшую роль Клозны. Первый сумѣлъ живо передать стѣсненную простоватость и влюбчивость молодого крестьянина; въ его игрѣ было много веселости и комизма, особенно въ той сценѣ, когда онъ упрекаетъ Дандена за его болтливость. Вторая съ обычнымъ искусствомъ сыграла плутоватую служанку. Г-жа Федотова была также хороша въ роли Анжелики; въ ней удачно соединились кокетливость и лукавство жены Дандена. Г-жа Рыкалова была совершенно на мѣстѣ въ роли чванливой и надутой Сотавиль. Даже въ маленькой роли Колена былъ очень характеренъ г. Ермоловъ. Что же касается до роли отца Анжелики, то намъ кажется, что на нашей сценѣ эта роль нѣсколько переименовалась, что записало съ одной стороны отъ исполнителя, а съ другой, и чуть-ли не больше, отъ переводчика. Г. Дмитревскій велъ свою роль совершенно въ томъ же тонѣ, какъ и г-жа Рыкалова — свою, тогда какъ у Мольера между супругами существуетъ разница и они вовсе не такъ похожи другъ на друга. Если госпожа Сотавиль папыщенна, строга, жеманна по природѣ (на что указываетъ ея прежняя фамилія: «Prudoterie») и важничаетъ настоящею важностью, или, говоря другими словами, свѣтитъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, то господинъ Сотавиль, напротивъ, свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ и важенъ напускною важностью. Читая комедію, чувствуешь почти въ каждомъ словѣ этого господина Сотавиля, что онъ только по примѣру жены хорохорится и отъ нея заразился хвастовствомъ, а что самъ по себѣ онъ только человѣкъ пустой и слишкомъ не далекій (на что указываетъ и его фамилія. «Sotenville»), но до нѣльзя подобострастный по отношенію къ женѣ, которую онъ безпрестанно называетъ въ комедіи: «l'amour» (мѣстоименіе личное нарочито сокращено въ этомъ случаѣ въ томъ соображеніи, что слово это черезчуръ часто употребляется господиномъ Сотавилемъ и успѣло, что называется, переболтаться на языкѣ его). Между тѣмъ у г. Дмитревскаго въ роли Сотавиля оказалось слишкомъ много настоящаго достоинства, а безпрестанное во французскомъ текстѣ: «l'amour» только одинъ разъ явилось въ русскомъ переводѣ комедіи и Сотавиль только одинъ разъ сказалъ женѣ своей: *друзь*. Впрочемъ, говоря вообще, переводъ слѣдуетъ добросовѣстно и вѣрно: языкъ перевода довольно живъ и разговоренъ; мы пожелаемъ бы только большей точности въ передачѣ на русскій языкъ сценъ между Данденомъ и Любеномъ въ началѣ перваго дѣйствія. Отрывочныя реплики, изъ которыхъ состоитъ эта сцена у Мольера очень разнообразны и одна не похожа на другую, такъ что, напр., во время нѣлаго длиннаго разговора, Любенъ только два раза повторяетъ слова: «Vous entendez bien» и «Vous comprenez bien»; между тѣмъ какъ въ этой сценѣ мы почти въ концѣ каждой реплики Любена слы-

шали вопросъ: *понимаешь?* па что Данденъ также безпрестанно повѣрилъ: *понимаю, понялъ*. Быть можетъ, это повтореніе въ разныхъ формахъ глагола *понимать* зависѣло только отъ исполнителей, которые, не вполне твердо еще изучивъ свои роли, позволяли себѣ дѣлать вставки, тѣмъ не менѣе сцена отъ этого вышла монотоннѣе, скучнѣе и казалась растянутою. Кстати, замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, къ переводу названій классическихъ пьесъ слѣдуетъ относиться съ большимъ точностью, какъ къ названіямъ слишкомъ общеизвѣстнымъ. Если мы не довольны перепачиваемъ названія: «*L'a moue-té d'écip*» въ русское: *Замужество — лучший докторъ*, названія: «*Le mariage forcé*» въ русское: *Хоть трески, а женись*, то мы не довольны и переводомъ словъ: «*Le mari confond*» словами: *Мужъ же виноватъ*. Въ постановкѣ комедіи есть кое-какіе недосмотры, изъ которыхъ, какъ на болѣе важный, укажемъ на появленіе въ началѣ перваго дѣйствія Любена съ правой отъ зрителя стороны, противоположной той, на которой находится домъ Дандена; между тѣмъ Любенъ долженъ выходить прямо изъ дома Дандена, что такъ и удивляетъ этого посетителя. У Мольера сказано о Данденѣ, что онъ говоритъ въ сторону: «*Voilà sortir Lubin de chez lui*». Этими же объясняются и первыя, при появленіи Любена, слова Дандена: «*Que diantre se drole là vient-il faire chez moi*» (Какого чорта этотъ чуждакъ дѣлалъ тамъ у меня?). Кроме того, нельзя не пожелать, чтобы и некоторые сцены при посѣдующихъ представленіяхъ, когда актеры будутъ тверже въ своихъ роляхъ, шли гораздо живѣе. — Комедія имѣла успѣхъ и хорошо принята публикою, которая нѣсколько разъ вызывала исполнителей послѣ втораго дѣйствія и по окончаніи пьесы. Нельзя не поблагодарить дирекціи за ея готовность знакомить публику съ произведеніями классическаго репертуара. Это съ ея стороны большая, серьезная заслуга. Не успѣла пройти одна пьеса Мольера, какъ уже на сценѣ общана въ непродолжительномъ времени другая: *Милый больной*. Горпозонтъ становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе; дѣтельность нашего Малаго театра все болѣе и болѣе должна заинтересовывать публику. Отъ всей души радуемся и за публику, и за актеровъ.

QUI PRO QUO.

Въ 18** году, въ Аугсбургѣ, редакторъ одного журнала по части политическаго экономіи, почтенный г. Фридрихъ Листъ (List) расположился завтракать. Разбирая письма, только что принесенныя почтальономъ, онъ былъ не мало удивленъ, когда нашелъ между ними надушенную записочку слѣдующаго содержанія:

«Геніальный другъ мой! Какъ я вчера гордилась вами! Послѣдній номеръ вашъ — какое великолѣпіе, какой изящный умъ! Какой могучій геній! Я была такъ взволнована, что не спала всю ночь. Прихо-

дите сегодня вечеромъ; горничная моя выуститъ васъ, мы будемъ одни.

«Страстно ожидающая васъ

«Леонора».

Почтенный авторъ *Национальной системы* почти съ конугомъ положилъ записочку на столъ. Онъ посмотрѣлъ еще разъ адресъ: такъ, записка къ нему; онъ не зналъ, что подумать отъ удивленія. Политическая экономія приводитъ въ такое волненіе дамъ и заставляетъ ихъ значать ему тайныя свѣданія! Этого еще никогда съ нимъ не бывало.

Разсѣянно онъ привился за другое письмо и прочелъ еще съ большимъ удивленіемъ: «Good morning, великій человекъ! Я признаю заслуги ваши и признаю васъ быть моимъ другомъ. Сегодня у меня большой обѣдъ, но безъ васъ этотъ праздникъ невозможенъ. Приходите! Всѣ соотечественники мои желаютъ выразить вамъ свою благодарность. Въ 6 часовъ ожидаетъ

«васъ покорный слуга вашъ

«Lionel Hampston peer of England».

— Это идиллическая, или просто приготовленная сътъ! — подумалъ г. Листъ — Англичанинъ хотеть выразить благодарность своимъ соотечественникамъ, всѣми силами старающемуся уничтожить опасное вліяніе англійской промышленности, убивающей нашу отечественную! Но вы ошиблись въ расчетѣ, сэръ! Я не поддамся! Я не такъ простъ! —

Оставимъ на короткое время въ сосѣдную гостиницу, въ комнату артиста, наканунѣ приводившаго въ восторгъ весь городъ первымъ концертомъ своимъ. Онъ также завтракаетъ; но изящная комната съ открытымъ дорогимъ роялемъ столъ же мало походитъ на хоромы сосѣда, сколько высокій ростъ и интересная физиономія ея владѣльца на плотную фигуру политико-эконома. Артистъ также читаетъ первое изъ принесенныхъ къ нему писемъ:

«Милостивый Государь!

«Имѣю честь доставить вамъ первый номеръ еже-недѣльно выходящей газеты моей: *Промышленность и ремесла Германии*. Хотя вы и найдете въ пей нѣкоторую противъ васъ полемику, однакоже, вѣрно, не откажете въ вашемъ вниманіи нашимъ трудамъ.

«Редакція».

— Это оригинально! воскликнулъ артистъ, отбрасывая назадъ длинные свои волосы. Что дѣлать пианисту съ подобнымъ журналомъ? — И, бросивъ его въ уголъ комнаты, онъ распечаталъ другое письмо и прочелъ слѣдующее:

«Милостивый Государь.

«Вашъ вчерашній послѣдній номеръ... Нѣтъ, это наконецъ непозволительно! Если вы осмѣлитесь еще разъ, то я докажу вамъ... Но въ подобныя выходы надобно отвѣчать не словомъ, а крѣпкимъ англійскимъ кулакомъ!

«Englishman».

— Что это! — воскликнулъ раздосадованный артистъ. «Мой послѣдній номеръ вчера — вариѳи на

тому «God save the king»? Чѣмъ онѣ могли не поправиться Англичанину? Но это ужъ черезъ чуръ бездеременно! Если бы я могъ угадать, кто это написалъ, я отвѣтилъ бы на его кулакъ пистолетомъ!

Слѣдующее третье письмо не пзглаголо неприянаго впечатлѣнія, произведеннаго вторымъ. Вотъ оно:

«Хоть я и не обращаюсь къ вамъ по официалъному порученію министра, однако же считаю долгомъ предупредить васъ, что при дворѣ неблагоосклонно отзываются о послѣднихъ вашихъ издѣвіяхъ. Вы слишкомъ сподобно предаетесь оригинальнымъ фантазіямъ вашимъ, хотите заставить насъ совершать неслыханные скачки и вообще стараетесь ввести у насъ совершенно новую школу. Желая отъ души, чтобы вы приняли слова мои лишь только за дружескій совѣтъ, пребываю

«съ искреннимъ уваженіемъ

«преданный вамъ К***».

— Это еще что!— Артистъ не на шутку разсердился.— Недавно еще увѣрялъ меня, что принцессы восхищаются моими новыми этюдами, а этотъ господинъ дружески совѣтуетъ мнѣ ... Нѣтъ! пора уѣхать отсюда!

Чтобы разсѣяться, онъ сталъ развѣртывать другіе пакеты. Избалованный любимецъ публки привыкъ получать послѣ каждого концерта множество цвѣтѣвъ, стихотвореній и подарковъ отъ безименныхъ почитателей его таланта. Но на этотъ разъ онъ нашелъ въ одномъ пакетѣ образчики кожи и другомъ нѣсколько кусочковъ грубой фланели, въ третьемъ дюжину мелкихъ гвоздей, съ замѣчаніемъ, что новая паровая машина производитъ такихъ гвоздей 15,000 въ одинъ часъ; въ четвертомъ нѣсколько шелковичныхъ червей. Вдругъ онъ расхохотался. Всѣ пакеты были адресованы на имя «Fr. List», и онъ прежде не обратилъ вниманія на эту надпись корреспондентовъ своихъ; теперь же онъ увидалъ въ одномъ изъ пакетовъ надпись: «Veget. Friedrich List», а его зовутъ Францъ Листъ.

Распросивъ о сосѣдѣ, онъ самъ тотчасъ же отправился къ нему, и вслѣдъ за исторіею кончилась какъ пельня лучшая и веселѣй. Оба гг. Листа, отъ души посмѣявшись забавному недоразумѣнію, обмѣнялись письмами и пакетами и разстались, дружески пожавъ другъ другу руки.

КАКЪ ИНОГДА ОТЫСКИВАЮТЪ ПЬВЦОВЪ.

Недавно проходилъ по улицамъ Парижа одинъ французскій депутатъ, который былъ извѣстенъ за чрезвычайнаго любителя музыки. Вдругъ онъ услышалъ звонкій голосъ одного молодого человѣка, который ѣхалъ съ телѣжкой по улицѣ и собиралъ разбитыя стекла. «У кого есть разбитыя бутылки?» кричалъ юноша.

Звукъ этого голоса поразилъ музыкальный слухъ депутата. Онъ обратился къ собирателю стеколъ, и спросилъ: «Откуда вы?»

«Изъ Авейрона».

«А, такъ мы земляки. У васъ прекрасный голосъ». «Вы это серьезно говорите?»

«Да. Приходите завтра вечеромъ ко мнѣ; вотъ мой адресъ».

«Охотно. И телѣжку привезти съ собой?»

«Нѣтъ, не надо».

На слѣдующее утро около 8 часовъ молодой человѣкъ позвонилъ у двери депутата. Послѣдній же пригласилъ къ себѣ въкоторыхъ изъ своихъ друзей, преимущественно любящихъ музыку.

«Ну, мой другъ», сказалъ онъ собирателю стеколъ, «теперь пропойте намъ что нибудь».

«Я? Вы надо мной смѣетесь, я не пою».

«Любезный другъ, я и не думаю смѣяться. Съ такимъ голосомъ вы должны пѣть!»

«Увѣряю васъ, я не пою».

«Какъ, вы даже не знаете пѣсней: «Начево вѣтъ свитаго для сапера» или «При свѣтѣ луны?» «Нѣтъ!»

Всѣ присутствующіе улыбнулись. Этой улыбкой они высказывали свою увѣренность въ томъ, что пѣхъ хозяинъ, энтузіастъ къ музыкѣ, ошибся и зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ воображеніи.

«Нѣтъ», сказалъ хозяинъ, я такъ легко не отстану. Ну хоть прокричите, какъ вы это всегда дѣлаете.» Стекла задрожали, когда молодой человѣкъ закричалъ изо всей силы: «Укого есть разбитыя стекла?»

Все общество было поражено чистотой и силой его голоса.

Депутатъ, обрадованный такимъ исходомъ, сказалъ: «Молодой человѣкъ, я вамъ дамъ учителя пѣнія. Выучите какую нибудь пѣсню, но хорошенько; а черезъ мѣсяцъ, когда вы будете знать эту пѣсню наизусть, ступайте отъ вашей телѣжки въ улицу Св. Георгія. Тамъ передъ дверью дома № 24 закричите такъ громко, какъ только можете: «разбитыя бутылки!» а потомъ пачните вашу пѣсню и спойте ее хорошенько.»

Эта программа была исполнена. Собиратель стеколъ выучилъ какую-то пѣсенку однажды утромъ остановился передъ назначеннымъ домомъ, и послѣ энергическаго возгласа: «у кого есть разбитыя стекла!» началъ чистыми теноромъ выученную пѣсню.

Послѣ перваго стѣха отворилось окно въ 1-мъ этажѣ; послѣ втораго показалась маленькая худая голова старика, который манилъ къ себѣ пѣвца.

Онъ пошелъ на зовъ и рассказалъ старику все происшедшее.

«Хорошо разыграно!» сказалъ, смѣясь, Оберъ. Старпчокъ, позвавшій къ себѣ скупщика разбитыхъ стеколъ, былъ знаменитый авторъ *Фенеллы*. Въ настоящее время скупщикъ стеколъ находится въ консерваторіи, гдѣ учится не разбивать отекла своимъ крикомъ, и не увеличивать спой торгъ разбитыми стеклами, но другому, болѣе полезному искусству.

Можетъ быть, на будущую зиму, парижане услышатъ ученика Обера, исполняющаго аріи сначала въ салонахъ, а потомъ и дебютирующаго въ Большой Оперѣ.

БЕЗЦѢННАЯ НАХОДКА.

Моцартъ жилъ въ Парижѣ, когда работалъ надъ своимъ *Донъ Жуаномъ*. Однажды, проработавъ въ-сколько часовъ сряду въ кабинетѣ, онъ взглянулъ наконецъ на часы.

— А! уже пять часовъ!—сказалъ Моцартъ. Одѣвшись немедленно, онъ отправился въ ресторанъ Пале-Рояли. Вдругъ, дорогою, въ головѣ его блеснула новая музыкальная идея, начала развиваться и скоро завила его до такой степени, что, войдя машинально въ ресторанъ, онъ, въ теченіи почти четверти часа, разсматривалъ карту обѣда безъ малѣйшаго сознанія, пока наконецъ слуга спросилъ:

— Что же прикажете подать?

— Супъ изъ вермишели, — отвѣтилъ разсѣянно, погруженный въ себя, маэстро.

Супъ немедленно былъ поданъ, но Моцартъ и не думалъ прикасаться къ нему. Прошло десять минутъ, прошло четверть часа, прошло почти полчаса; супъ уже простылъ совершенно, но маэстро не замѣчалъ ничего, по прежнему предаваясь своимъ размышленіямъ. Черезъ полчаса онъ снова кликнулъ слугу.

— Жареной рыбы!

Простывшій супъ смѣнила жареная камбала, свѣжая и отлично приготовленная, но и камбала не привлекла вниманія маэстро и подверглась участи супа. Точно такимъ же образомъ были потребованы одно за другимъ шесть блюдъ и всѣ шесть сняты со стола не тронутыми. Удивленный слуга терялся въ догадкахъ и наконецъ рѣшилъ, что это помѣшанный и что вступать съ нимъ въ объясненіе—дѣло опасное. Прошло болѣе двухъ часовъ отъ прихода маэстро, а между тѣмъ онъ ни на минуту не вышелъ изъ своего задумчиваго положенія и сидѣлъ, опершъ голову на руки. Вдругъ онъ гордо подвѣлъ голову, лицо его прояснилось, щеки покрылись яркимъ румянцемъ, глаза заблестали отъ удовольствія. Кинувъ слугѣ весь свой кошелекъ съ деньгами, онъ сдѣлалъ скачекъ къ двери и радостно воскликнулъ:

— Наконецъ-то я нашелъ его!

Моцартъ дѣйствительно нашелъ *Финансъ третьяго акта Донъ-Жуана*.

СЛИШКОМЪ ДОРОГО.

«Journal de Rouen» рассказываетъ слѣдующій случай, бывшій недавно съ Дюма—отцомъ. Проѣзжая черезъ Руанъ, французскій романистъ и драматургъ былъ приглашенъ префектомъ этого города на обѣдъ. За столомъ Дюма былъ необыкновенно веселъ, разсказывалъ о своихъ похожденияхъ, в своемъ остроуміемъ и любезностью плѣнилъ все общество. Едва только окончился обѣдъ, какъ къ Дюма подходитъ одинъ богатый фабрикантъ, обѣдавшій съ нимъ вмѣстѣ, и начинаетъ разсыпаться передъ Дюма въ комплиментахъ.

— Я еще никогда не видалъ ни одного писателя—важно говорить фабрикантъ—п, признаюсь, изъ-

галъ даже встрѣчи съ нимъ, въ полной увѣренности, что они также скучны, какъ ихъ книги, которыхъ, впрочемъ, я и не читаю; но вы привели меня въ такое восхищеніе, вы такъ умѣете потѣшать своими анекдотами... словомъ, вы такой милый собесѣдникъ за обѣдомъ...

— Очень радъ, что имѣлъ счастье вамъ понравиться!—прервалъ его Дюма съ проницательной улыбкой.

— Дѣло не въ томъ—продолжаетъ наивно фабрикантъ,—а мнѣ вотъ что пришло въ голову. Я богатъ и часто даю обѣды, на которыхъ всегда присутствуетъ префектъ. Теперь у меня жена больна, но, несмотря на это, я хочу дать обѣдъ. Призвать ко мнѣ повеселить компанію, а, главное, постарайтесь развеселить мою жену, которая все скучаетъ. Это вѣдь для васъ сущая бездѣлица! Ну, согласны?... Такъ по рукамъ!—При этомъ фабрикантъ протягиваетъ правую руку.

— О, съ большимъ удовольствіемъ!—отвѣчаетъ Дюма съ серьезнымъ видомъ.—Но только взвѣстны ли вамъ мои условія?

— Какія?—спрашиваетъ съ удивленіемъ фабрикантъ, и при этомъ протянутая рука его незамѣтно опускается.

— Вы живете своимъ капиталомъ, находящимся въ обращеніи на вашей фабрикѣ, а я живу своимъ умомъ. За то, что я за обѣдомъ смѣшу и веселю компанію, я получаю извѣстную плату.

— Какую же?

— По *два тысячи франковъ* за вечеръ, я вырабатываю именно эту сумму въ одинъ вечеръ.

Фабрикантъ ежится и, молча, отходитъ прочь; а Дюма едва можетъ удержаться отъ смѣха. Префектъ, слѣдившій за этой сценой, смѣшитъ раз-узнать объ вѣй отъ фабриканта.

— Я вижу, что вы уже успѣли познакомиться съ вашей отечественною знаменитостью! Не правда ли, Дюма чрезвычайно любезенъ?

— Да, но только за свою любезность онъ беретъ *слишкомъ дорого!*

— Какъ дорого?

— Да, да, *слишкомъ дорого!*—восклицаетъ раздосадованный фабрикантъ и притомъ такъ громко, что восклицаніе это долетаетъ до слуха самого Дюма, который раздражается неудержимымъ смѣхомъ.

— Правда, правда!... *слишкомъ дорого!*... Игра не стоитъ свѣчъ! Обѣдайте лучше безъ писателей,—дешевле обойдется!—громко восклицаетъ въ свою очередь Дюма, продолжая смѣяться. Все общество окружаетъ романиста в просвѣтъ разъяснить всеобщее нелюуміе.

— Итъ, птъ!... ни слова!... ради Бога, ни слова!... Я согласенъ... Я плачу, хотя это и *слишкомъ дорого!*—раздаются восклицанія сконфуженнаго фабриканта.

— Если такъ, то я обѣдаю у васъ завтра безъ всякаго *денежнаго гонорарія!* Испугъ вашъ стоитъ двухъ тысячъ франко! — говоритъ Дюма съ чувствомъ собственнаго достоинства.

С М Ъ С Ъ.

— Одобрена къ представленію литературно—театральнымъ комитетомъ и театральною цензурою *Димитрій Саломовичъ и Василий Шуйскій*, драматическая хроника въ 5 дѣйствіяхъ, соч. А. Н. Островскаго.

— Изъ Казани пишутъ въ «Русск. Вѣд.», что 3-го августа тамъ сгорѣлъ театр. «Городу нашему», говорятъ корреспондентъ, не суждено имѣть театр: известно, что въ 1859 году сгорѣлъ превосходный казанскій каменный театр, говорятъ, вслѣдствіе того, что прекращено было страхованіе зданія... Сегодня съ 5-ти до 7-ми часовъ утра, сгорѣлъ дотла деревянный театр, построенный въ 1863 году на Арскомъ полѣ. Прибывшіе въ 1862 въ Казань два иностранца, Вейсъ и Аверпно, успѣли склонить купца Зурна постройть театр, но до настоящаго времени не заплатили за него денегъ, почему Зурна, ведя по этому случаю процессъ, разумѣется, безуспѣшный, въ обезпеченіе своей затраты застраховалъ зданіе. Принявшій въ прошедшемъ году дирекцію надъ театромъ, и отдалъ въ его весьма изыщно, г. Дмтріевъ, тоже, кажется застраховалъ свою затрату, — и все это не болѣе, какъ въ два часа, взлетѣло на воздухъ! Случи посятъ, что въ театрѣ, въ которомъ все лѣто не было представлений, приготавлились ракеты для предполагаемаго фейерверка. Судя по быстротѣ распространенія пожара и по нѣсколькимъ взрывамъ, которые подымали пламя и пскры на непомѣрную высоту, слухъ этотъ имѣетъ основаніе тѣмъ болѣе, что по настоящее время не отыскавъ жившій въ театрѣ человекъ, вѣроятно занимавшійся дѣланіемъ ракетъ. Необыкновенно эффектные взрывы, въ видѣ пламеннаго вихря, дали простому народу поводъ къ заключенію, что тутъ совершалась «чортова свадьба». Утро, къ счастью, было самое тихое, и сосѣднія строенія не подверглись никакой опасности».

— Въ Единбургѣ недавно сгорѣлъ большой театр, на которомъ давались только оперы и балеты. Причиной пожара, какъ оказалось, по слѣдствію, былъ поджогъ, въ которомъ участвовалъ главный кассиръ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ. За двѣ недѣли до этой ужасной катастрофы, оба они поссорились съ директоромъ театра, который, при повѣркѣ въ концѣ недѣли денегъ, не досчитался весьма значительной суммы. На справедливыя требованія директора пополнить недостающую сумму, кассиръ отвѣчалъ такими дерзостями, что директоръ вынужденъ былъ отказать ему отъ мѣста, оставивъ у себя его помощника. Получивъ окончательный расчетъ, кассиръ поклялся непременно поджечь театр. Угрозу эту слышали двое ламповщиковъ, которые въ то время не обратили на нее никакой вниманія. Поджогъ совершенъ былъ въ первомъ часу ночи, вскорѣ послѣ окончанія спектакля. При всѣхъ энергическихъ усиліяхъ пожар-

ной команды не было никакой возможности отстоять театр, такъ какъ злоумышленники подожгли его заранѣе съ трехъ сторонъ. При этомъ погибли двѣ маленькія дочери младшаго режиссера, уснувшія, во время спектакля, на лавкѣ. Стоимости всего зданія со всѣми докораціями и маневнами, несчитая гардероба, равняется суммѣ въ полмилліона франковъ. Преступники, не смотря на явные улики, не сознаются въ своемъ преступленіи. Судъ надъ ними отложенъ до конца сентября, такъ какъ къ этому времени долженъ вернуться тотъ купецъ, у котораго куплены были ими горючія вещества. При этомъ пожарѣ повреждены многіе сосѣдніе съ театромъ дома.

— Какъ образецъ для рекламы о любительскихъ спектакляхъ, принодимъ слѣдующую (напечатанную въ 179 № Русск. Инвалида): *необыкновенный успѣхъ*, которымъ пользуются въ Лѣсномъ (т. е. въ паркѣ Лѣснаго института) спектакли общества любителей драматическаго искусства, побудилъ это общество назначить, независимо отъ субботнихъ спектаклей, еще три—пять середамъ. Первый изъ нихъ будетъ данъ сегодня и состоятъ изъ одной новой пьесы (*Радъ не радъ, а дѣлать нечего!*), и повтореніи трехъ комедій, которые *очень понравились* публикѣ въ минувшую субботу: «Прежде маменька», «Покійникъ мужъ и его вдова» и «Незнакомые знакомцы». Какая-же свѣходительная должна быть публика въ Лѣсномъ, если подобныя пьесы *нравятся!* Въ спектаклѣ этомъ будутъ участвовать *талантливыя* (просто и мило) сестры Ниловы (псевдонимъ, — представляетъ въ скобкахъ рекламистъ), обратившія на себя *особенное (?)* вниманіе своею *изыщною* и *тонкою* игрою, и г-жа Николаева, которая въ роли Софьи, въ комедіи Коржеевскаго «Прежде маменька» произвела *рѣшительный* фуроръ и была вызвана въ минувшую субботу разъ шесть или семь (какъ это важно и необыкновенно въ любительскомъ-то спектаклѣ!). Известно, что роль эта была *чуть ли не лишнею* въ репертуарѣ г-жи Снѣтковой 3-й (хорошъ же послѣ этого долженъ быть весь репертуаръ этой артистки!), но г-жа Николаева *въ своей роднѣ* нѣсколько ей не уступаетъ, и потому игра ея *не можетъ* не доставить зрителю истинно художественнаго наслажденія (т. е. почтеннѣйшая публика! неспѣска въ скорѣ твои рубли, а ужъ о наслажденіи безпокоиться тебѣ нечего: оно не *можетъ* мновать тебя!).

— Симсонъ въ своей *Исторіи цыганъ* (A History of the Gipsies), касаясь русскихъ цыганъ, между прочимъ говоритъ, что въ Москвѣ изъ молодыхъ цыганокъ составляются и вѣческіе хоры для церковнаго пѣнія. Ученый англичанинъ смѣшалъ *цыры* московскихъ увеселительныхъ заведеній съ церковными хорами. Вотъ еще доказательство самаго поверхностнаго, самаго опрометчиваго отношенія иностранцевъ къ русскому.

— Вѣская газета сообщаетъ слѣдующій случай изъ жизни знаменитаго композитора Гайдна. Находясь однажды у извѣстнаго князя Эстергази, сильно разсерженнаго въ то время на своихъ музыкантовъ и хотѣвшаго распустить ихъ, Гайднъ вздумалъ отклонить князя отъ этого намѣренія. Убѣдись, что просьбами нельзя подѣйствовать на упрямаго магната, онъ въ одну ночь написалъ симфонію, въ которой по очереди одинъ голосъ за другимъ долженъ былъ утихать такъ, чтобы изъ числа играющихъ музыкантовъ, послѣднимъ оставался контрабасистъ доигрывать послѣдніе такты симфоніи. Въ концертѣ, который искорѣ послѣ того давъ былъ княземъ Эстергази, симфонія эта составляла послѣдній номеръ и, по распоряженію самаго Гайдна, каждый музыкантъ долженъ былъ, по окончаніи своей партіи, погасить стоящую передъ нимъ свѣчу и тотчасъ выйти. Наконецъ остался одинъ контрабасистъ, который также, сыгравъ послѣдніе такты,

погасилъ свѣчу и ушелъ. Князь понялъ смыслъ этого произведенія, былъ тронутъ имъ до слезъ и всѣхъ рѣшительно музыкантовъ оставилъ опять при себѣ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

— Г. Е. — *ву.* — Мы не можемъ приять на себя переговоры съ артистами, имѣющими бенефисъ; мы бы посоветовали вамъ отправить вашу піэсу черезъ контору московскихъ театровъ на разсмотрѣніе литературно-театральнаго комитета.

— Г. Т. — *скому.* — Ваша статья неудобна для напечатанія въ Антрактѣ.

— Г. И. М. — *ву.* — Это ясно само собою; но на нитъ и суда вѣтъ.

— Г. Старожилу. — Мы съ вами несогласны.

Ред. А. Баженовъ. За изд. Ив. Смирновъ. (Ред. на Молотовѣ, въ Голенинскомъ пер., въ д. Дуровой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ. ВЪ МАГАЗИНѢ ДАБО.

ПРИДВОРНЫЙ

ПОСТАВЩИКЪ.

На Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

ОБОИ

разныхъ сортовъ, самыхъ новыхъ отъ 20 коп. за кусокъ и дороже; вновь получены клеенки для столовъ и половъ и шторы. 5—25.

ФЕЙЕРВЕРКИ

Комнатные, садовые и полевые отъ 10 к. и дороже,

ФОНАРИ

складные для освѣщенія дачъ отъ 5 к.,

ГИМНАСТИКА

для дѣтей и взрослыхъ отъ 1 р. до 20 р.,

КОЛЯСКИ

для дѣтей раз. цѣнъ и разныя новыя игрушки въ огромномъ выборѣ

ВЪ ДЕНО ИГРУШЕКЪ ГУБКИНА

въ началѣ Газетнаго пер. противъ маг. Корещенко.

ПРОДАЕТСЯ

за весьма дешевую цѣну дорожный тарантазъ казанскій, за Большимъ Каменнымъ мостомъ, по Берсеновкѣ, на Казенномъ Винномъ дворѣ, спросить дворника Максима.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 АВГУСТА,
ВЪ СОКОЛЬНИКАХЪ,
ВЪ САДУ БРАУНА,
 имѣтъ быть повтореніе
 БОЛЬШАГО РАЗНООБРАЗНАГО ГУЛЯНЬЯ,
 ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ
АМЕРИКАНСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ:

I. Г. БЛОНДЕНЪ,

II. УСИЛЕННЫЙ ОРКЕСТРЪ Г. ГЕНЕ.

III. Хоръ военной музыки, подъ управленіемъ г. ШЕНБРУНА.

IV. ХОРЪ ТИРОЛЬСКИХЪ ПѢВЦОВЪ И ПѢВНИЦЪ, ПОДЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ Г. РЕЙНЕРА.

V. Г. ГОРБУНОВЪ.

VI. БОЛЬШАЯ РОСКОШНАЯ ИЛЛЮМИНАЦІЯ И РОСКОПНОЕ УБРАНСТВО САДА.

VII. ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ТРЕХЪ КАРТИНАХЪ СЪ ФИНАЛОМЪ СОЖЖЕНЪ БУДЕТЪ

БЛЕСТЯЩІЙ ФЕЙЕРВЕРКЪ.

ЦѢНА ЗА ВХОДЪ 1 РУБ. СЪ ПЕРСОНЫ.

Въ Среду, 24 Августа, имѣтъ быть
БОЛЬШОЕ ГУЛЯНЬЕ, ВЪ БЕНЕФИСЪ Г. ГЕНЕ.

Печатано съ дозволенія цензуры, въ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ (Ив. Смирнова), на Никольской ул.